

Хорошо быть тихоней

Автор:

Стивен Чбоски

Хорошо быть тихоней

Стивен Чбоски

Азбука-бестселлер

Впервые на русском – удивительный бестселлер Стивена Чбоски, трогательный роман взросления («„Над пропастью во ржи“ для новых времен», по выражению критиков), разошедшийся тиражом свыше миллиона экземпляров и экранизированный самим автором, причем одну из главных ролей в фильме исполнила Эмма Уотсон – она же Гермиона Грейнджер из фильмов о Гарри Поттере.

Чарли переходит в старшую школу. Опасаясь того, что его там ждет после недавнего нервного срыва, он начинает писать письма кому-то, кого никогда в жизни не видел, но кто, он уверен, должен хорошо его понять. Чарли не любит ходить на танцы, поскольку ему обычно нравятся те песни, под которые не потанцуешь. Каждая новая книга, прочитанная им по совету Билла, учителя литературы, тут же становится у Чарли самой любимой: «Убить пересмешника», «Питер Пэн», «Великий Гэтсби», «Над пропастью во ржи», «В дороге», «Голый завтрак»... Билл советует Чарли «быть не губкой, а фильтром», и тот честно пытается. Еще Чарли пытается не вспомнить крепко забытые детские травмы и разобраться в своих чувствах к старшекласснице Сэм, сестре его друга Патрика по кличке Никак...

Стивен Чбоски

Хорошо быть тихоней

THE PERKS OF BEING A WALLFLOWER

by Stephen Chbosky

Copyright © 1999 by Stephen Chbosky

All rights reserved

© Е. Петрова, перевод, примечания, 2013

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2013

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается моей семье

Благодарности

По поводу всех, кто перечислен ниже, могу только сказать, что без них не было бы этой книги. Вот те люди, которым я сердечно благодарен:

Грир Кессел Хендрикс

Хезер Нили

Ли, Фред и Стейси Чбоски

Робби Томпсон

Кристофер Маккуорри

Маргарет Меринг

Стюарт Стерн

Кейт Дегенхарт

Марк Макклейн Уилсон

Дэвид Уилкоккс

Кейт Уорд

Тим Перелл

Джек Хорнер

Эдуардо Бранифф

И наконец...

доктор Эрл Ройм, написавший прекрасное стихотворение, и Патрик Комо, неточно запомнивший его в возрасте 14 лет.

Часть первая

25 августа 1991 г.

Дорогой друг!

Обращаюсь к тебе потому, что она сказала: ты способен выслушать и понять, да к тому же ты не пытался перепихнуться кое с кем тогда на тусовке, хотя мог бы. Не старайся, пожалуйста, вычислить, кто она такая, а то, чего доброго, вычислишь и меня, а мне это ни к чему. Людей я буду называть вымышленными именами или описательно, чтоб ты меня не определил. С этой же целью не указываю обратный адрес. Без всякой задней мысли. Честно.

Просто мне нужно убедиться, что где-то есть человек, который способен выслушать и понять, да к тому же не стремится трахнуть все, что движется, хотя мог бы. Короче, я надеюсь, что такие люди существуют.

Мне кажется, ты лучше других сумеешь понять, поскольку ты, по-моему, живая душа и ценишь все, что за этим стоит. По крайней мере, очень надеюсь, потому как другие обращаются к тебе за поддержкой и дружбой, вот и все. По крайней мере, так я слышал.

Ну вот, теперь про мою жизнь. Чтобы ты понимал: живу я и весело, и тоскливо – сам до сих пор не разобрался, как такое возможно.

Убеждаю себя, что дошел до такого состояния из-за своих родичей, и в особенности после того, как мой друг Майкл весной прошлого года ни с того ни с сего перестал ходить в школу и с нами по трансляции заговорил голос мистера Уона.

– Мальчики и девочки, с прискорбием сообщаю о кончине одного из учащихся нашей школы. В пятницу на общем собрании состоится панихида по Майклу Добсону.

Уж не знаю, как по школе разносятся слухи и почему они так часто подтверждаются. Вроде бы дело было в столовой. Точно не помню. Дейв поглядел сквозь свои нелепые очки да и говорит: Майкл покончил с собой. Его мамаша играла в бридж у кого-то из соседей, и они услышали выстрел.

Что со мной было потом – точно не помню, только мой старший брат примчался в кабинет директора и говорит: не раскисай. А потом обнял меня за плечи и говорит: возьми себя в руки, пока отец домой не пришел. Мы с братом отправились в «Макдональдс», он взял нам картофель фри и стал меня учить играть в пинбол. Даже пошутил, что, мол, благодаря мне уроки промотал, а сам такой: не помогу ли я ему с «шевроле-камаро»? Наверно, на меня смотреть тошно было – раньше мне на пушечный выстрел не разрешалось подходить к его «камаро».

Школьные психологи вызвали к себе тех ребят (раз-два и обчелся), которые реально хорошо относились к Майклу, и попросили каждого сказать несколько слов. Опасались, как видно, что кто-нибудь сотворит над собой нечто подобное, а сами, похоже, дергались, один все время бороду теребил.

Бриджет – она малость чокнутая – сказала, что да, она тоже готова покончить с собой, когда по телевизору реклама начинается. Это на полном серьезе; психологи тут же выпали в осадок. А Карл – безобидный парнишка – сказал, что очень расстроился, но сам никогда бы не смог лишиться себя жизни: это грех.

Бородатый опросил всю группу, а под конец и до меня добрался:

– А ты что думаешь, Чарли?

Вот удивительно: я с этим кренделем никогда раньше не сталкивался, потому как он «специалист», так откуда, спрашивается, он мое имя узнал? На мне даже беджика не было, какие в день открытых дверей нацепляют.

– Ну, я думаю вот что: Майкл был хорошим парнем, а почему он так поступил – непонятно. Мне, конечно, сейчас тяжело, но хуже всего – быть в неведении.

Сейчас перечитываю – я такими словами никогда в жизни не излагал. И уж тем более в этом кабинете, когда ревмя ревел. Как начал реветь, так и не останавливался.

Психолог такой: подозреваю, что у Майкла возникали «проблемы в семье», а поделиться было не с кем. В результате он, вероятно, оказался в полном одиночестве и покончил с собой.

Тут я как с цепи сорвался: стал орать этому психологу, что Майкл всегда мог поделиться со мной. У меня началась форменная истерика. Чтобы только меня успокоить, он стал плести, что имел в виду «поделиться с кем-нибудь из взрослых»: с учителем, с психологом. Но меня такими штуками не проймешь, и вскоре к зданию нашей школы подкатил на «камаро» мой брат и меня забрал.

С того дня и до самых каникул учителя меня не дергали и даже завышали оценки, хоть я и не стал умнее. На самом деле я их всех, похоже, нервировал.

Похороны Майкла получились странные: его отец ни слезинки не проронил. А через три месяца ушел из семьи. Во всяком случае, Дейв открытым текстом в столовке так и сказал. Я иногда об этом задумываюсь. Вот интересно: что делалось у Майкла в доме за ужином, перед теликом? Никакой записки он не оставил – ну, или предки ее заныкали. Может, и правда были у них «проблемы в семье». Я без понятия. Если б знать, может, не так бы тоскливо было. Может, прояснилось бы хоть что-нибудь, пусть неутешительное.

Одно знаю точно: мне из-за этого приходит в голову, что у меня, наверно, тоже «проблемы в семье», но у других, как я понимаю, еще покруче проблемы. Типа того, как мою сестру бросил самый первый ее парень – переметнулся к другой – и сестра все выходные плакала.

Папа ей тогда сказал: «Есть люди, которым гораздо тяжелей».

А мама ничего не сказала. Через месяц сестра с новым парнем познакомилась, опять стала быстрюю музыку гонять. Отец, как всегда, на работе занят. А мама – по дому. А брат всю дорогу возился со своим «камаро». То есть всю весну, а как лето началось – уехал учиться. Он играет в американский футбол за сборную Пенсильванского университета, ему нельзя в отстающих числиться, иначе к играм не допускают, и за лето ему нужно было выровнять баллы.

В семье у нас, по-моему, любимчика нет. Нас трое детей, я самый младший. Мой брат – самый старший. Он классный футболист и машину свою обожает. В середине – моя сестра, очень симпатичная, парней строит. Я теперь учусь на «отлично», как и сестра, поэтому меня никто не долбает.

Мама перед теликом вечно плачет. Отец много работает, человек он правильный. Моя тетя Хелен говорила, что папу гордыня спасет от кризиса

среднего возраста. До меня совсем недавно дошло, что она имела в виду: ему уже сорок стукнуло, а перемен никаких.

Тетю Хелен я любил больше всех на свете. Она была маминой сестрой. Училась в свое время на «отлично», книжки мне давала читать. Папа говорил, что до такого чтения я еще не дорос, но мне нравилось; он, бывало, пожмет плечами и отстанет.

Последние годы своей жизни тетя Хелен провела у нас в доме, потому что с ней приключилось что-то жуткое. От меня скрывали, что с ней произошло, хоть я и расспрашивал. Когда мне было лет семь, я перестал допытываться, но до этого приставал, как все дети, а тетя Хелен – в слезы.

Тут-то отец и залепил мне пощечину. «Будешь знать, как тетю Хелен доводить!» Я вовсе не хотел ее доводить и прикусил язык. Тетя Хелен сказала отцу, чтобы не смел при ней поднимать на меня руку, а он такой: это мой дом, что хочу, то и делаю. Мама промолчала, брат с сестрой тоже.

Больше я ничего не помню, потому что разревелся, и отец велел маме увести меня с глаз долой. А много позже мама, хватив белого вина, рассказала мне, что случилось с ее сестрой. Действительно, многим приходится куда хуже, чем мне. Это точно.

Сейчас буду ложиться спать. Поздно уже. Вон сколько наката – а тебе читать. Почему я вообще взялся тебе писать: завтра впервые пойду в другую школу, где только старшие классы, и у меня мандраж.

Счастливо.

Чарли

7 сентября 1991 г.

Дорогой друг!

Быть старшеклассником мне не понравилось. Столовка называется «Центр питания», вообще уже. Уроки углубленного английского вместе со мной посещает эта девочка Сьюзен. В средней школе прикольная девчонка была. Фильмами увлекалась, а ее брат, Фрэнк, записывал ей клевою музыку, и Сьюзен нам приносила записи. Но за лето ей сняли брекеты, она подросла, сиськи появились. Теперь на переменах кривляется, как дурочка, особенно если парни рядом трутся. Я считаю, это печально, да и сама Сьюзен ходит как в воду опущенная. Если честно, она вообще делает вид, что в упор не видит меня на углубленном английском, а в коридоре даже не здоровается.

На той беседе с психологами, когда Майкла обсуждали, Сьюзен выболтала, что Майкл ей однажды сказал, будто она самая красивая девочка на свете, хотя у нее тогда брекеты были и все такое. А потом он ей предложил дружить – у нас в школе это было серьезно. В старших классах говорят «встречаться». Они с ним целовались, фильмы обсуждали, и она без него ужасно затосковала, потому что он был ей лучшим другом.

Это, между прочим, удивительно, потому что у нас в школе мальчишки и девчонки не дружили. А Майкл и Сьюзен подружились. Типа как мы с тетей Хелен. Ой, извини. Примерно как мы с тетей Хелен. Это нам на той неделе объясняли. И еще особые случаи пунктуации.

В школе я обычно никуда не лезу, и обратил на меня внимание, похоже, только один парень, Шон. Подкараулил меня после физкультуры и начал сыпать какими-то детскими угрозами, что, мол, устроит мне «головомойку» – это когда тебя окунают головой в унитаз, нажимают на слив, и у тебя волосы кругами плавают. Он, кстати, тоже выглядел как в воду опущенный, о чем я ему и сообщил. Тут он взбесился, полез ко мне с кулаками, а я тогда вспомнил, чему меня брат учил. Брат у меня дерется просто классно.

«Меть в колени, шею и глаза».

Так и я сделал. Врезал этому типу от души. А потом сам же разревелся. И сестре пришлось уйти с уроков – она в самом сильном классе учится, – чтобы отвезти меня домой. Вызывали меня к директору, но даже от занятий не отстранили, ничего такого, потому что кое-кто из ребят успел сказать мистеру Смоллу, из-за чего началась драка.

- Шон сам нарывался. Это была самооборона.

Что верно, то верно. Только я не понял, с чего это Шон ко мне полез. Я ведь ему ничего не сделал. Да и росту во мне - метр с кепкой. Честно. Шон, как видно, не подозревал, что я махать умею. Я еще его пожалел. Может, и зря. Но я подумал, что у меня еще будет возможность его отбуцкать, если он станет мстить тому парню, который мистеру Смоллу про него сказал, но Шон мстить не стал. В общем, историю эту спустили на тормозах.

Некоторые ребята в коридоре на меня косятся, потому что я, во-первых, не обклеил картинками свой шкафчик, а во-вторых, отметелил Шона, а потом сам же слезу пустил. Это у меня, наверно, эмоции через край.

Дома мне одиноко, потому что сестра, она у нас самая старшая, вечно занята. Брат тоже занят, он в футбол играет за Университет штата Пенсильвания. После сборов тренер сказал, что берет его во второй состав, а когда он освоится, поставит его в основной.

Отец мечтает, чтобы он стал профи и выступал за «Питсбург стилерс». Мама не на радуется, что он учится бесплатно, потому как моя сестра в футбол не играет, а за двоих платить нашей семье слишком накладно. Из-за этого мама требует, чтобы я вкалывал ради получения академической стипендии.

Значит, буду вкалывать, все равно пока ни с кем здесь не подружился. Вообще-то, я рассчитывал, что моим другом станет парень, который директору сказал правду, но тот, наверно, просто по доброте это сделал.

Счастливо.

Чарли

11 сентября 1991 г.

Дорогой друг!

Времени в обрез, потому что учитель углубленного английского задал нам прочесть одно произведение, а я люблю читать два раза подряд. Называется, между прочим, «Убить пересмешника»[1 - «Убить пересмешника» (1960) – роман американской писательницы Харпер Ли. В 1961 году получил Пулицеровскую премию. Его изучают приблизительно в 80 % американских школ. Среди главных персонажей романа – подросток Джем, познающий далеко не безмятежный мир взрослых.]. Если ты не читал, очень рекомендую, книга интересная. Нам каждый раз задают по несколько глав, но я так читать не привык. Я сразу половину проглотил.

Короче, хочу тебе рассказать, что видел по телику брата. Я не особенно люблю спортивные передачи, но тут случай особый. Мама сразу заплакала, отец обнял ее за плечи, а сестра заулыбалась, что удивительно, ведь они с братом грызутся как кошка с собакой.

Но моего брата как-никак показывали по телевизору, и на сегодняшний день это был самый клевый момент за две недели моей учебы в старшей школе. Я по нему ужасно скучаю, что удивительно, ведь мы с ним почти не общались, пока он жил дома. А если честно, то и сейчас не общаемся.

Я мог бы тебе сказать, на какой позиции он играет, но, как уже говорил, хочу сохранить анонимность. Надеюсь, ты понимаешь.

Счастливо.

Чарли

16 сентября 1991 г.

Дорогой друг!

Дочитал «Убить пересмешника». Теперь это моя самая любимая книга. Правда, я всякий раз так думаю, пока не прочту следующую. Учитель предложил мне во внеучебное время говорить ему «Билл» и дал почитать еще одну книжку. Он говорит, у меня есть чувство языка и большие способности к восприятию текста;

задал мне написать сочинение по книге «Убить пересмешника».

Я упомянул это маме, а она спрашивает, почему же Билл не порекомендовал мне перейти в другой поток, где занимаются ребята из десятого или одиннадцатого класса. Со слов Билла я ей объяснил, что уроки там примерно такие же, как у нас, только произведения более сложные и я от этого ничего не выиграю. Мама сказала: «Не знаю, не знаю» – и обещала подойти к нему в день открытых дверей. А пока что припахала меня помыть посуду, ей в помощь; пришлось согласиться.

На самом деле я терпеть не могу посуду мыть. Я бы вообще ел руками прямо с бумажной салфетки, но сестра говорит, это плохо для окружающей среды. У нас в школе она состоит в клубе «День Земли» – там и с парнями знакомится. Они с нее пылинки сдувают, непонятно, за какие заслуги; ну, может, потому, что она такая симпатичная. А она их за людей не считает.

Особенно достается одному. Как зовут – не скажу. Но внешность описать могу. Волосы очень хорошие, каштановые, длинные, стянуты в пучок. Думаю, он пожалеет, когда будет оглядываться на прожитые годы. Для моей сестры он всю дорогу записывает кассетные сборники, и все тематические. Например, «Осенние листья». Понапихал туда Smiths. Даже обложку сам оформил. Тут как-то взял напрокат фильм, мы сели смотреть, а как только за ним закрылась дверь, сестра отдала кассету мне.

«Хочешь, Чарли, – забирай».

Ну я и взял, но мне было не по себе – он же для нее старался. Тем не менее послушал. До чего мне понравилось! В особенности одна песня, называется «Asleep» – советую тебе тоже послушать. Рассказал сестре. А через неделю она мне спасибо сказала, потому как этот парень стал ее спрашивать про сборник, и она слово в слово повторила, что я сказал про «Asleep», и он прямо растаял оттого, что она так прониклась. Когда у меня появится девушка, я, надо думать, в грязь лицом не ударю.

Что-то я уклоняюсь от темы. Мой учитель, Билл, мне на это указывал: я, типа, пишу, как говорю. Думаю, по этой причине он и задал мне сочинение на тему «Пересмешника».

Тот парень, который запал на мою сестру, всегда уважительно обращается к нашим родителям. Мама его за это очень полюбила. А отец считает его «мягкотелым». Наверно, потому моя сестра его и гнобит.

Как-то раз, к примеру, наговорила ему всяких гадостей за то, что он лет в пятнадцать или около того не поставил на место хулигана, который терроризировал весь класс. Если честно, я тогда хотел фильм посмотреть, который он принес, и не особо вслушивался в их разборки. Они всю дорогу грызутся, ну, думаю, хоть для разнообразия фильм посмотрю, так и тут никакого разнообразия – сиквел и сиквел.

Короче, она парня долбала четыре сцены подряд, минут десять в общей сложности, и у него слезы хлынули. В три ручья. Оборачиваюсь, а сестра тычет в меня пальцем:

– Смотри. Даже Чарли поставил на место своего обидчика. Смотри.

Парня в краску бросило. Уставился на меня. Затем на нее. А потом замахнулся да и вlepил ей пощечину. Не по-детски. Я так и застыл, глазам своим не поверил. Кто бы мог подумать! Этот мальчик, который записывал тематические сборники и сам разрисовывал обложки, вlepил моей сестре пощечину – и тут же успокоился.

Но что самое странное: моя сестра никак не отреагировала. Только посмотрела на него спокойным взглядом. Просто уму непостижимо. Моя сестра, которая бесится, если ты ешь какого-нибудь не такого тунца, позволила себя ударить и ничего не сказала. Наоборот, притихла, смягчилась. Попросила меня выйти, что я и сделал. А когда парень ушел, она сказала, что они с ним «встречаются» и что маме с папой ничего знать не нужно.

Думаю, он поставил на место свою обидчицу. Думаю, это логично.

В те выходные моя сестра уделила этому парню гораздо больше времени, чем раньше. И смеялись они больше обычного. В пятницу вечером я взялся читать новую книгу, но у меня башка устала, и я решил телик включить. Спускаюсь в цокольный этаж, а там моя сестра с этим парнем, голые.

Он сверху, у нее ноги раздвинуты во всю ширину дивана. Она на меня шепотом заорала:

- Пошел вон, извращенец.

Ну я и ушел. А на другой день мы всей семьей смотрели, как мой брат играет в футбол. И сестра пригласила этого парня. В котором часу он накануне от нее ушел, неизвестно. А тут сидят, за ручки держатся как ни в чем не бывало. И парень этот говорит, что школьная команда без моего брата совсем разваливается. Папа его поблагодарил. А после его ухода сказал, что этот юноша повзрослел и стал вполне достойным молодым человеком. Мама промолчала. А сестра на меня зыркнула, чтоб не проболтался. В общем, все как-то утряслось.

- Да. Вполне.

Больше ей нечего было сказать. А я представил, как этот парень у себя дома сидит за уроками, а на уме у него – моя сестра, голая. Представил, как они смотрят футбол, который им по барабану, и держатся за руки. Представил, как этот парень блюет в кустах на какой-то вечеринке. А моя сестра это терпит.

И мне от них обоих стало тошно.

Счастливо.

Чарли

18 сентября 1991 г.

Дорогой друг!

Я тебе не рассказывал, что хожу на уроки труда? Ну вот, хожу на уроки труда, и это мой любимый предмет, не считая углубленного английского. Вчера вечером написал сочинение по роману «Убить пересмешника», а сегодня утром сдал его Биллу. Договорились встретиться завтра на большой перемене и обсудить.

К чему я веду: на уроки труда ходит один парень, которого зовут «Никак». Честное слово. Все зовут его «Никак». До чего прикольный парень. Имя «Никак» тянется за ним со средней школы – так его дразнили. Сейчас он, по-моему, в выпускном классе. Ребята сперва говорили ему «Патти», хотя его полное имя – Патрик. И «Никак» не вытерпел. «Послушайте, вы, либо, – говорит, – зовите меня Патрик, либо никак».

Ну, они и заладили: «Никак». И кличка приросла. В то время он только-только переехал в наш район, потому что его отец женился на какой-то здешней тетке. Пожалуй, я больше не буду заключать имя Никак в кавычки, чтобы не отвлекаться и не нарушать поток мысли. Надеюсь, ты не против. Если возникнет путаница, я объясню, что к чему.

Так вот, на уроке труда Никак начал потешно изображать учителя, мистера Кэллагана. Еще и бакенбарды себе пририсовал восковым карандашом. Умереть – не встать. Когда мистер Кэллаган увидел, как Никак изгаляется у шлифовального станка, он даже рассмеялся, потому что сценка получилась не обидная, а просто смешная. Жаль, ты не видел. После отъезда брата я ни разу так не хохотал. Мой брат прикольно рассказывал анекдоты про поляков, что, конечно, нехорошо, но я старался не думать, что это про поляков, а слушал только юмор. До чего потешно.

Да, между прочим: сестра потребовала назад сборник «Осенние листья». Крутит его теперь с утра до вечера.

Счастливо.

Чарли

29 сентября 1991 г.

Дорогой друг!

За последние две недели много чего накопилось, хочу рассказать. Есть хорошие новости, но есть и плохие. Опять же, не понимаю, почему только так и бывает.

Прежде всего: за сочинение по книге «Убить пересмешника» Билл поставил мне тройку. Говорит, у меня рыхлая структура предложений. Теперь пытаюсь с этим бороться. Еще он сказал, что нужно использовать литературные слова, которые обсуждаются на уроках: например, «пышнотелый», «предубежденность». Я бы и рад их сюда вставить, но, по-моему, это будет совсем не к месту.

Если честно, я вообще не понимаю, где они будут к месту. Это не означает, что их вовсе не нужно знать. Знать их нужно, обязательно. Просто я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь говорил «пышнотелый» или «предубежденность». Включая учителей. Зачем же притягивать за уши непонятные слова, которые даже произносить неловко? Не знаю.

Такое же чувство у меня бывает по отношению к кинозвездам, на которых неловко смотреть. Деньжищ у них – не меньше миллиона, а их все тянет в кино сниматься. Взрывают плохих парней. Орут на своих сыщиков. Дают интервью журналам. В особенности одна есть «звезда» – когда вижу ее фотографии, ничего, кроме жалости, не испытываю: никто ее в грош не ставит, но все равно интервью берут. И все интервью – как под копирку.

Вначале журналист сообщает, что именно они заказали в каком-то там ресторане. «Лакомься китайским куриным салатом, N говорила о любви». И на всех обложках пишется одно и то же: «Со своим новым фильмом / телепрограммой / альбомом N достиг(-ла) вершин славы и успеха».

По мне, лучше, когда звезды в своих интервью стремятся показать, будто они такие, как все, но, если честно, я подозреваю, что это все туфта. Знать бы только, кто ее гонит. Не понимаю, почему эти журналы расходятся такими тиражами. Не понимаю, почему дамочки, ожидая приема у стоматолога, от них не отрываются. В позапрошлую субботу слышал такой разговор:

– Ты смотрела этот фильм? – Указывает на обложку.

– А как же. Мы с Гарольдом ходили.

– И как тебе?

– Она – прелесть.

- Да-да. Очень мила.

- Ой, я такой рецепт списала!

- Диетический?

- Угу.

- Сможешь мне завтра передать?

- Нет, завтра не смогу. Ты попроси Майка, чтобы он по факсу Гарольду переслал, договорились?

- Хорошо.

Потом эти дамочки завели речь как раз о той актрисе, про которую я только что тебе говорил, и начали возмущаться:

- Я считаю, это позор.

- Ты читала интервью в «Уютном доме»?

- Пару месяцев назад?

- Угу.

- Позор.

- А в «Космополитен» читала?

- Нет.

- Господи, практически слово в слово.

- Не понимаю, за что к ней столько внимания.

Оттого что одной из этих дамочек была моя мама, мне вдвойне грустно, потому что мама у меня – красавица. И постоянно сидит на диете. Иногда и папа говорит, что она красавица, но она не слышит. Кстати, мой отец – образцовый муж. Только прагматик.

От зубного мама повезла меня на кладбище, где у нее похоронено множество родственников. Папа не любит ездить на кладбище, у него там мурашки по телу. А я ничего, езжу, потому что там моя тетя Хелен похоронена. Из двоих сестер мама всегда была красивая, а тетя Хелен – на втором месте. И никогда на диете не сидела. Тетя Хелен была «пышнотелой». Ого, получилось!

Когда тетю Хелен просили с нами посидеть и потом, уже переехав к нам в семью, она не загоняла нас спать и разрешала посмотреть «Субботним вечером в прямом эфире»[2 - «Субботним вечером в прямом эфире» – популярное ночное комедийное телешоу, выходит с 1975 года. Удостоено 36 премий «Грэмми».], когда предки уходили в гости, чтобы там выпить и поиграть в настольные игры. Помню, в раннем детстве я засыпал под «Корабль любви» и «Остров фантазий», а брат с сестрой и тетя Хелен смотрели дальше. В детстве у меня никогда не получалось бороться со сном, а жаль, потому что брат с сестрой иногда вспоминают те моменты. Может, и грустно, что остались одни воспоминания. А может, и не грустно. Может, все дело в том, что мы любили тетю Хелен (а я – больше всех) и радовались, когда нас оставляли на нее.

Не буду перечислять, что мне запомнилось из телесериалов, вспомню только один эпизод, он как раз в тему и, по-моему, так или иначе зацепит любого. А поскольку я тебя не знаю, мне, наверно, стоит написать о том, что может и тебя зацепить.

Сидели мы всей семьей перед телевизором, смотрели последнюю серию «Чертовой службы в госпитале МЭШ»[3 - «Чертова служба в госпитале МЭШ» – американский телесериал, выходивший в эфир с 1972 по 1983 год и основанный на одноименном кинофильме Роберта Олтмена (M.A.S.H., 1970), черная комедия. Главный персонаж, Бенджамин Пирс, воспринимает войну как чудовищное преступление и величайшую трагедию; в последней серии эти переживания приводят его в психиатрическое отделение сеульского военного госпиталя.] – никогда ее не забуду, хоть и был тогда совсем шкетом. Мама лила слезы. Сестра лила слезы. Брат из последних сил крепился, чтобы не заплакать. А отец во время одной из последних сцен вышел, чтобы сделать бутерброд. Не помню, что

там происходило на экране, я тогда был слишком мал, но папа никогда раньше не выходил за бутербродами, разве что во время рекламы, да и тогда все больше маму просил. Я побежал за ним в кухню и вижу: папа делает бутерброд... а сам слезами обливается. Еще сильнее, чем мама. Я обалдел. Сделал он бутер, убрал в холодильник продукты, перестал плакать, утер глаза – и тут заметил меня. Подошел, похлопал по плечу и говорит: «Это будет наш с тобой секрет, ладно, дружище?» – «Ладно», – отвечаю. Тогда папа подхватил меня свободной рукой, отнес в комнату, где у нас стоял телевизор, и я до конца серии просидел у него на коленях. Потом он снова взял меня на руки, выключил телик, обернулся.

И объявил:

– Это был великий сериал.

Мама сказала:

– Самый лучший.

А сестра спросила:

– Сколько же лет его показывали?

И брат ей ответил:

– Девять лет, дуреха.

А сестра ему:

– Сам ты... дурень.

И папа сказал:

– А ну, прекратите.

А мама сказала:

– Слушайте папу.

Брат ничего не сказал.

Сестра тоже.

А через много лет я обнаружил, что мой брат ошибался.

Я пошел в библиотеку проверить кое-какие цифры и узнал, что серия, которую мы смотрели, побила все рекорды по числу зрителей за всю историю телевидения, и это меня поразило: мне казалось, ее смотрели только мы впятером.

Понимаешь... многие ребята из школы терпеть не могут своих предков. Кое-кого дома бьют. Кое-кого застукали за неблаговидными делишками. Кое-кого используют для показухи, как наградные ленты или золотые звездочки, чтобы только соседям нос утереть. А некоторые просто хотели напиться втихаря.

У меня лично все не так: пусть я отца с матерью не всегда понимаю, а иногда и жалею, но я их очень сильно люблю. Мама ездит на кладбище, чтобы проведать своих родных. Папа на кухне, во время «Чертовой службы в госпитале МЭШ», не удержался от слез и доверил мне свой секрет, а потом посадил к себе на колени и еще тогда назвал меня «дружище».

Между прочим, у меня только одна пломба, и стоматолог требует, чтобы я пользовался зубной нитью, но мне себя не заставить.

Счастливо.

Чарли

6 октября 1991 г.

Дорогой друг!

Мне дико стыдно. На днях пошел на футбольный матч старшеклассников, а зачем – сам не знаю. В средней школе мы с Майклом иногда ходили вместе, хотя компании у нас не было. Просто нужно было куда-то податься в пятницу, не все же перед теликом сидеть. Иногда мы там встречали Сьюзен, и они с Майклом брались за руки.

Но тут я пошел один, потому что Майкла больше нет, Сьюзен теперь водится с другими парнями, а Бриджет, как и прежде, чокнутая, а Карл по настоянию матери перевелся в католическую школу, а Дейв, тот, что в нелепых очечках, куда-то переехал. Я в основном за зрителями наблюдал: кто в кого втюрился, кто от нечего делать пришел, и вдруг я увидел парня, про которого уже тебе рассказывал. Помнишь, есть такой Никак? Никак тоже был на футболе и один из немногих, не считая взрослых, следил за игрой. Реально следил за игрой. Подбадривал игроков.

– Давай, Брэд! – (Это наш квотербек.)

Я обычно в сторонке держусь, но Никак, похоже, такой парень, к которому можно запросто подвалить на футболе, хотя ты на три года младше и компанией не обзавелся.

– Эй, мы с тобой на труд вместе ходим!

До чего приветливый человек.

– Я – Чарли, – говорю и даже не особо ступешивался.

– Я – Патрик. А это Сэм.

И показывает на миленькую девушку, которая тут же сидит. Она мне помахала.

– Привет, Чарли.

Они оба стали предлагать мне сесть с ними, и, похоже, искренне, так что я сел рядом. Слушал, что выкрикивает Никак. Слушал, как он комментирует ход игры. И сделал вывод, что в футболе он рубит – будь здоров. Почти как мой брат. Пожалуй, дальше я не буду говорить «Никак» – буду называть его Патриком, тем

более что он сам так представился, да и Сэм его так зовет.

У Сэм, между прочим, каштановые волосы и очень-очень красивые зеленые глаза. Такого неброского зеленого цвета. Я бы мог и раньше это упомянуть, но на стадионе такое освещение, что там все цвета как бы размыты. Вот когда мы с ними пошли в «Биг-бой» и Сэм с Патриком стали курить без продыху, я ее разглядел как следует. Что мне понравилось: Патрик и Сэм не стали обмениваться только им понятными шуточками, которые могли бы меня поставить в тупик. Наоборот. Они начали меня расспрашивать:

- Сколько тебе лет, Чарли?

- Пятнадцать.

- Кем ты хочешь стать?

- Еще не решил.

- Какая твоя любимая группа?

- Наверно, Smiths – мне у них нравится песня «Asleep», но точно сказать не могу – я другие их песни плохо знаю.

- А какой твой любимый фильм?

- Не знаю. По мне, все фильмы одинаковы.

- А какая твоя любимая книга?

- «По эту сторону рая»[4 - «По эту сторону рая» (1920) – классический роман Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Главный герой, Эмори Блейн, в школе сталкивается с негативным отношением со стороны сверстников, чувствует себя глубоко несчастным и брошенным. Одна из кульминационных сцен первой части романа – разговор с преподавателем, который вызвал его к себе, чтобы рассказать, каким эгоистом его считают одноклассники.] Скотта Фицджеральда.

- Почему?

- Потому что я ее только что прочел.

Тут они рассмеялись - поняли, что я не выпендриваюсь, а серьезно говорю.

Затем они мне рассказали о своих любимых вещах, и мы замолчали. Я съел кусок пирога с тыквой, потому как официантка сказала, что это сезонное блюдо, а Патрик и Сэм еще покурили.

Понаблюдал я за ними: им вместе хорошо. Еще как хорошо. И хотя Сэм выглядит шикарно и сама такая милая, она стала первой девушкой, которую я задумал пригласить на свидание, когда машиной обзаведусь, и неважно, что у нее парень есть, даже такой классный, как Патрик.

- Вы давно встречаетесь? - спрашиваю.

А они хохочут. Реально хохочут.

- Что смешного? - спрашиваю.

- Мы - брат и сестра, - отвечает Патрик сквозь смех.

- Но вы, - говорю, - совсем непохожи.

Тогда Сэм объяснила, что они на самом-то деле сводные брат и сестра: отец Патрика женился на матери Сэм. Я от радости чуть с ума не сошел, потому что всерьез задумал когда-нибудь пригласить Сэм на свидание. Честно. Она такая хорошая.

Стыдно, конечно, но той ночью мне приснился нелепый сон. Мы были с Сэм. Голые. И она раздвинула ноги на всю ширину дивана. Я проснулся. Никогда в жизни мне не было так клево. Но и неловко тоже, потому как я без спросу разглядывал ее голую. Наверно, мне нужно признаться в этом Сэм - надеюсь, это не помешает нам в будущем обмениваться шуточками, понятными только нам двоим. Здорово, если бы у меня снова была дружба. По мне, это даже лучше, чем свидание.

Счастливо.

Чарли

14 октября 1991 г.

Дорогой друг!

Ты знаешь, что такое «мастурбация»? Наверняка знаешь, ты ведь старше меня. Но на всякий случай объясняю. Мастурбация – это когда возбуждаешь свои половые органы, пока не достигнешь оргазма. Супер!

Я даже подумал, что в кино и в сериалах, когда говорят «перерыв на кофе», герои, возможно, используют это время для мастурбации. Хотя нет, тогда работоспособность снизится.

Шутка. На самом деле ничего я такого не подумал. Просто хотел тебя развеселить. Но «супер» – это я серьезно.

Я признался Сэм, что видел тот сон, когда мы с ней голышом лежали на диване, и до того мне стало паршиво, что я заплакал; а она что, как ты думаешь? Посмеялась. Причем не гнусно, нет. А по-доброму, тепло. Сказала, что я – чудо. И еще сказала: это нормально, что она мне приснилась. У меня сразу слезы высохли. А Сэм спросила, как она выглядела в моем сне, и я ей ответил: «Изумительно». Тогда она посмотрела на меня в упор.

– Чарли, тебе не приходило в голову, что по возрасту ты мне не подходишь? Тебе это понятно?

– Понятно.

– Я не хочу, чтобы ты понапрасну обо мне мечтал.

– Не буду. Это просто сон.

Тут Сэм меня обняла, и мне стало не по себе, потому что у нас в семье никогда особо не любили обниматься, разве что тетя Хелен. Но в следующий миг я втянул запах духов Сэм, почувствовал близость ее тела. И отступил назад.

– Сэм, я не виноват, что о тебе мечтаю.

Она молча на меня посмотрела, покачала головой. Затем положила руку мне на плечо и повела по коридору. А навстречу нам Патрик – они с ним иногда уроки мотают. Курить бегают.

– У Чарли ко мне чарлианские чувства, Патрик.

– Серьезно?

– Я с этим борюсь. – Это я поспешил обставиться, а они засмеялись.

Патрик попросил Сэм отойти, она так и сделала, а он мне кое-что объяснил, чтобы я понимал, как общаться с другими девушками и не мечтать попусту о Сэм.

– Чарли, тебе кто-нибудь рассказывал, как строятся отношения?

– Да вроде нет.

– Ты пойми: есть определенные правила, хочешь не хочешь, а надо их соблюдать. Сечешь?

– Вроде да.

– Так вот. Возьмем, к примеру, девчонок. Откуда они узнают, как вести себя с парнями: приглядываются к своим мамашам, журнальчики читают, всякое такое.

Прикинул я насчет матерей, журнальчиков, всякого такого – и задергался: неужели ТВ тоже сюда относится?

– Ну нет, в кино девушки сплошь и рядом западают на каких-то придурков или еще того хуже. В жизни все не так просто. Им подавай того, кто ставит перед ними цель.

– Цель?

– Ну да. Понимаешь, девчонке всегда хочется парня переделать. И она выбирает для себя конкретный образец, по которому сверяет свои действия. Начинает, к примеру, играть роль мамы. А если мама вокруг тебя не суется, не заставляет прибираться в комнате, зачем такая нужна? И где бы ты был, если бы мама вокруг тебя не суежилась и не заставляла прибираться? Мама каждому нужна. И сама это знает. Ты для нее – цель жизни. Понял?

– Ага, – говорю, хотя сам ни черта не понял. Ну, то есть понял ровно столько, чтобы сказать «ага» и при этом не соврать.

– Вся штука в том, что девчонка обычно считает, будто парня можно перевоспитать. Но что характерно: если бы она и впрямь сумела его перевоспитать, то потеряла бы к нему всякий интерес. Цели-то не останется. Девчонкам постоянно требуется время на обдумывание новых подходов, вот и все. Одна быстро сообразит. Другая не сразу. Третья – никогда. Я бы на этом не заикливался.

А я-то, похоже, заиклился. Наш разговор у меня из головы не идет. Смотрю, как в коридорах парочки за руки держатся, и стараюсь представить, что для этого нужно. А на школьных дискотеках сижу где-нибудь сзади и отбиваю ритм ногой, а сам думаю, сколько из этих парочек танцует «под свою музыку». В коридорах вижу, что у девчонок на плечи наброшены пиджаки парней, и размышляю на тему собственности. И еще пытаюсь для себя решить, бывают ли по-настоящему счастливые люди. Хочется верить, что бывают. Реально хочется.

Билл заметил, что я наблюдаю за другими, и после урока спросил, о чем мои мысли, и я ему стал рассказывать. Он слушал, кивал, реагировал, пусть и без слов. Когда я умолк, у него на лбу было написано: «серьезный разговор».

– Ты всегда так много размышляешь, Чарли?

– Разве это плохо? – Я просто хотел, чтобы хоть кто-нибудь сказал мне правду.

- Само по себе - неплохо. Просто люди зачастую уходят в свои мысли, чтобы не погружаться в жизнь.

- Это плохо?

- Это плохо.

- Ну, я-то, по-моему, погружаюсь. Или вы так не думаете?

- Вот, например, ты когда-нибудь танцуешь?

- Да я не умею.

- А свидания назначаешь?

- Во-первых, у меня машины нет, а если б и была, нужно еще права получить, а мне всего пятнадцать, и вообще у меня девушек знакомых нет, кроме Сэм, но я ей по возрасту не подхожу, ей бы пришлось всю дорогу за рулем сидеть, а это, я считаю, неправильно.

Билл только улыбнулся и стал дальше расспрашивать. Мало-помалу добрался до «проблем в семье». Тогда я ему рассказал, как тот парень, который сборники записывает, вlepил моей сестре пощечину, - сестра просила только маме с папой ничего не говорить, так что Биллу, я подумал, можно. Выслушал он с самым серьезным видом, а потом сказал одну фразу, которую я, наверно, до самых каникул помнить буду, а может, и дольше.

- Чарли, мы принимаем такую любовь, какой, с нашей точки зрения, заслуживаем.

Я прямо остолбенел. Билл похлопал меня по плечу и дал еще одну книгу. Сказал, что все образуется.

Из школы я обычно возвращаюсь пешком, с чувством выполненного долга. В будущем это даст мне право сказать своим детям, что в школу я ходил пешком, как мои дед с бабушкой «в старые добрые времена». Удивительно: сам даже ни

разу на свидании не был, а так далеко загадываю, но смысл в этом есть. На школьном автобусе домой можно добраться на час быстрее, чем на своих двоих, но, когда на улице ясно и прохладно, как сегодня, проветриться очень даже неплохо.

Прихожу домой – сестра сидит на стуле. Перед ней стоят мама с папой. И я сразу понял, что Билл позвонил нашим предкам и все выложил. До чего же мне стало паршиво. Что я натворил.

Сестра плачет. Мама как в рот воды набрала. Разглагольствует только отец. Мол, он категорически запрещает моей сестре встречаться с парнем, который поднял на нее руку, и сегодня же поговорит с его родителями. Сестра твердит, что сама виновата, довела его, но папа счел, что это не оправдание.

Сестра прямо захлебывается:

– Я все равно его люблю!

Никогда еще не видел, чтобы она так истерила.

– Это неправда.

– Ненавижу тебя!

– Это неправда.

Папе иногда удается сохранять полное хладнокровие.

– Он – вся моя жизнь.

– Больше ни про кого таких вещей не говори. Даже про меня.

Это мама голос подала. Она у нас высказывается редко, но метко, и в связи с этим я кое-что должен пояснить насчет нашей семьи. Если уж мама открыла рот, то всегда одержит верх. Вот и теперь так вышло. У сестры тут же слезы высохли.

Папа – в кои веки – поцеловал ее в лоб. А потом сел в свой «олдсмобиль» и умчался. До меня дошло, что он поехал к родителям того парня. Мне их даже жалко стало, родителей его. Потому что мой папа никому спуска не дает. Никому.

Мама пошла на кухню, чтобы сестре приготовить что-нибудь вкусненькое, а сестра ко мне повернулась:

– Ненавижу тебя.

Она сказала это не сгоряча, как отцу. А на полном серьезе. Честное слово.

– А я, – говорю, – тебя люблю.

Что еще на это можно ответить?

– Ты debil, ясно? С рождения. Все говорят, что ты debil.

– Я над собой работаю.

Пошел к себе в комнату, дверь затворил поплотнее, голову подушкой накрыл и стал ждать, когда тишина расставит все по местам.

К слову сказать, ты, наверно, интересуешься насчет моего отца. Поколачивал ли он нас в детстве, а может, и потом? Я почему догадался про твой интерес к этому вопросу: Билл тоже любопытствовал, когда я ему рассказал про того парня и мою сестру. Так вот, если хочешь знать: никогда. Пальцем не тронул ни брата, ни сестру. А мне от него досталось только один раз, когда я довел до слез тетю Хелен. Зато когда мы все успокоились, он опустился передо мной на колени и сказал, что в детстве его избивал отчим, а потому в студенческие годы, когда наша мама забеременела моим старшим братом, папа решил, что никогда не поднимет руку на своих детей. А сейчас нарушил свой зарок и не может себе этого простить. Реально, он был сам не свой. Переживал. Сказал, что больше такое не повторится. И слово свое держит.

Хотя наказать может по всей строгости.

Счастливо.

Чарли

15 октября 1991 г.

Дорогой друг!

Кажется, в последнем письме я забыл упомянуть, что про мастурбацию рассказал мне Патрик. Кажется, не сказал и о том, часто ли этим занимаюсь. Да, постоянно. На картинки смотреть не люблю. Просто закрываю глаза и представляю себе какую-нибудь незнакомку. И стараюсь не стыдиться. Про Сэм я в это время не думаю. Никогда. Это для меня важный момент, потому что я очень обрадовался, когда она сказала «чарлианские чувства», – как будто у нас с ней появилась шутка, понятная только двоим.

А однажды вечером я так устыдился, что пообещал Богу больше этим не заниматься. Попробовал использовать одеяло, но от него только саднило, попробовал использовать подушку, но от подушки тоже саднило, так что я вернулся к привычному способу. Родители мне особой набожности не привили, так как их обоих в свое время запихнули в католическую школу, но я в Бога верую. Просто никогда не называю Его по имени – ну, ты понимаешь. Надеюсь, я Его все же не сильно прогневал.

Между прочим, отец тогда и вправду серьезно поговорил с предками того парня. Его мамаша вышла из себя и разоралась на сына. Папаша молчал. Мой отец старался не переходить на личности. Не стал им пенять, что они воспитали сына «подонком», ничего такого.

У него была единственная цель: заручиться их поддержкой, чтобы отвадить этого перца от моей сестры. Когда вопрос был решен, он оставил их разбираться со своими семейными делами, а сам поехал разбираться со своими. По крайней мере, так он выразился.

Я задал папе один-единственный вопрос: есть ли у того парня проблемы в семье? Ну, бьют ли его родители. Папа ответил, что это меня не касается. Потому что ответа сам не знал – ни о чем их не спрашивал и считал, что это к делу не относится.

– Не у каждого есть душеспасительная история, Чарли, а если даже есть, это не оправдание.

Больше он ничего не сказал. И пошел смотреть телевизор.

Сестра до сих пор на меня злится, но папа сказал, что я поступил правильно. Хотелось бы верить, но иногда трудно определить.

Счастливо.

Чарли

28 октября 1991 г.

Дорогой друг!

Извини, две недели тебе не писал: я старался, говоря словами Билла, «погружаться в жизнь». Вот странно: иногда я читаю книгу и представляю себя на месте героев. Пишу письма – а потом дня два разбираюсь, к чему пришел в этих письмах. Сам не знаю, хорошо это или плохо. Но так или иначе, стараюсь погружаться.

К слову, та книга, которую дал мне почитать Билл, называется «Питер Пэн»^[5] – «Питер Пэн» (полное название – «Питер Пэн и Венди», 1911) – одно из популярнейших произведений детской литературы, повесть из серии произведений о Питере Пэне шотландского писателя сэра Джеймса Барри. Питер Пэн – мальчик, который не хочет взрослеть. Он вечно остается юным; у него сохраняются молочные зубы. Он сбежал из дома по дымоходу и улетел в Кенсингтонский сад, где познакомился с феями. Позже он жил на острове Нетинебудет (Neverland) в компании пропавших мальчиков – тех, которые

потерялись в Кенсингтонском саду.], автор – Дж. М. Барри. Я знаю, про что ты подумал. Про мультик о Питере Пэне и пропавших детях. На самом деле книга намного интереснее. Здесь главное – этот мальчик, который не хочет взрослеть, а когда повзрослела Венди, он расценил это как предательство. По крайней мере, я именно так это понимаю. Наверно, Билл хочет, чтобы эта книга стала для меня уроком, только каким?

Но есть и хорошая новость: книгу я закончил и, поскольку в ней все выдуманно, ни разу не вообразил себя на месте героев. То есть я и книжку читал, и погружался в жизнь.

Чтобы хорошенько погрузиться в жизнь, стараюсь посещать разные школьные мероприятия. Во всякие там кружки по интересам записываться уже поздно, но есть и другие возможности. Например, футбольный матч и дискотека по случаю встречи выпускников, а что у меня девушки нет, это ничего.

Сам я наверняка не стану приезжать в школу на встречи однокашников, но почему бы не приколоться? Нашел я на трибунах, где обычно, Патрика и Сэм и начал изображать долгожданную встречу по прошествии года, хотя мы с ними виделись на большой перемене, когда я ел свой апельсин, а они курили.

– Патрик, ты ли это? И Сэм здесь... сколько лет, сколько зим. Кто выигрывает? Господи, как меня достал этот колледж. Препод на выходные задал прочесть двадцать семь книг, а моя девушка требует, чтобы я ей ко вторнику изготовил транспаранты для митинга протеста. Пусть правительство знает, что мы шутить не намерены. Отец пропадает в гольф-клубе, мать – на теннисном корте. Надо будет нам с вами как-нибудь потусоваться. К сожалению, у меня времени в обрез: нужно еще заехать за сестрой на курсы психической саморегуляции. Она добилась значительных успехов. Рад был повидаться.

Сказал – и отошел. Купил в киоске на стадионе три коробки начос[б - Начос – популярная закуска мексиканской кухни, представляющая собой чипсы из тортильи с различными топпингами.] и диетическую колу для Сэм. Вернулся на трибуну, сел, вручил им по коробке начос, а Сэм еще и диетическую колу. И Сэм улыбнулась. Все-таки она классная: когда я прикалываюсь, она никогда не говорит, что я чокнутый. Патрик тоже ничего такого не говорит, но тут он был слишком увлечен игрой и все время кричал что-то Брэду, квотербеку.

Сэм рассказала, что после матча они поедут к друзьям на вечеринку. Спросила, не хочу ли я присоединиться, и я сказал, что конечно хочу, потому как на вечеринке никогда еще не был. Правда, видел у нас дома, как это происходит.

Мои предки уехали в Огайо к какой-то дальней родственнице то ли на свадьбу, то ли на похороны, сейчас уже не помню. За старшего оставили моего брата. Ему тогда было шестнадцать. Он, не будь дураком, воспользовался случаем и закатил вечеринку: пиво там и все такое. Мне велели сидеть у себя в комнате и не высовываться, но я был даже рад: в моей комнате сгрузили верхнюю одежду, и я не преминул обшарить все карманы. Каждые минут десять ко мне заваливались подвыпившие ребята и девушки – видно, искали укромное место. Но как только меня замечали, сразу ретировались. Все, кроме одной парочки.

Эти двое (мне потом рассказали, что ребята они заметные и по уши влюблены) ввалились ко мне и спрашивают: не возражаю ли я, если они тут побудут. Не возражаю, говорю, мне-то что, так они дверь закрыли и начали целоваться. Взасос. Потом парень залез ей под блузку, и она стала сопротивляться:

– Нет, Дейв.

– Почему?

– Здесь мальчик.

– Ну и что?

А сам так и лезет ей под блузку, и чем больше она отнекивалась, тем настырнее он ее тискал. Через пару минут она уже не сопротивлялась, он стянул с нее блузу, и она осталась в белом кружевном лифчике. Я прямо не знал, куда деваться. Очень скоро он и лифчик с нее сдернул и начал целовать ей грудь. А потом залез ей в брюки, и она застонала. По-моему, оба напились вдрабадан. Он хотел и брюки с нее стянуть, но она заплакала, тогда он за свою ширинку взялся. Спустил брюки и трусы до колен.

– Умоляю, Дейв. Не надо.

А он знай нашептывает ей, какая она красивая и все такое, вложил ей в ладони свой член и начал двигаться туда-сюда. Я бы и рад описать это более деликатно, чтобы не прибегать к таким словам, как «член», но что было, то было.

Потом он пригнул ей голову, и девчонка стала целовать его член. А сама все еще плакала. Но вскоре умолкла, потому что он засунул член ей в рот – в такой позе не больно поплачешь. Дальше я не смотрел – боялся, что меня вырвет, но они не унимались, а потом кое-что еще стали делать, и она все время повторяла «нет». Я даже уши заткнул, но все равно слышал.

Пришла моя сестра, принесла мне чипсы, застучала парня с девчонкой, и они прекратили. Моя сестра готова была сквозь землю провалиться, та девушка – тем более. А парню хоть бы что. Он в разговоры не вступал. Когда они вышли, сестра меня спрашивает:

– Они тебя видели?

– Конечно. Они сами ко мне напросились.

– Почему ты их не остановил?

– Откуда я знал, чем они тут занимаются?

– Извращенец, – бросила напоследок сестра и вылетела из комнаты, и чипсы с собой забрала.

Я рассказал эту историю Патрику и Сэм; они помолчали. Затем Сэм сказала, что когда-то встречалась с Дейвом, пока не увлеклась панк-роком, а Патрик добавил, что слышал о той вечеринке. Это меня не удивило, потому что те события, можно сказать, обросли легендами. По крайней мере, я в этом не раз убеждался, когда рассказывал ребятам, кто мой старший брат.

Когда приехали полицейские, брат спал на крыше дома. До сих пор неизвестно, как он туда попал. Моя сестра обжималась в кладовке с каким-то парнем из выпускного класса. Сама она тогда была в девятом. За многими ребятами приехали родители, многие девчонки плакали и блевали. Парни в большинстве своем к этому времени успели свалить. У брата были жуткие неприятности, а с

сестрой родители провели «серьезную беседу» на предмет дурного влияния. В общем, все утряслось.

Парень по имени Дейв в этом году заканчивает школу. Играет в футбольной команде. На длинных пасах. Я застал окончание матча, когда Дейв поймал тачдаун, посланный Брэдом. Наша школа одержала победу. Но у меня не шла из головы та вечеринка. Сперва я помалкивал, а потом не выдержал и спросил у Сэм:

– Он ее изнасиловал, да?

Она только кивнула. Я так и не понял: она переживала или просто знала больше моего?

– Надо кому-нибудь сказать, ты согласна?

На этот раз Сэм помотала головой. Потом она мне объяснила, через что нужно пройти, чтобы это доказать, особенно если дело касается школьников, которые к тому же на виду и до сих пор влюблены.

На другой день была дискотека. Я увидел, как они танцуют. Дейв и его девушка. И пришел в дикую ярость. Даже сам испугался. Хотел подскочить к Дейву и со всей силы надавать ему по морде, как мог бы надавать Шону. Спасибо, Сэм удержала: приобняла меня за плечи, как она одна умеет. Успокоила меня, и это к лучшему, потому как я бы окончательно с катушек сорвался, если бы накинулся с кулаками на Дейва, а девчонка бы за него вступилась – по любви.

Короче, я тогда придумал другую месть: спустить Дейву шины. Сэм показала мне его тачку.

В пятницу вечером, после футбольного матча, посвященного встрече выпускников, я испытал такие ощущения, которые, наверно, никогда не сумею описать; скажу только, что погода стояла теплая. Сэм и Патрик посадили меня в ее пикап, и мы поехали на вечеринку. Я сидел посередине. Сэм любит свой пикап – думаю, потому, что он напоминает ей об отце. А те ощущения, которые я упомянул, возникли у меня тогда, когда Сэм попросила Патрика найти какую-то радиостанцию. А он все время попадал на рекламу. Раз за разом. И еще на какую-то пошлую любовную песню, в которой все время повторялось «беби». И

снова на рекламу. В конце концов он нашел потрясную песню, про одного парня, и мы все трое замолчали.

Сэм отбивала пальцами ритм по баранке. Патрик высунул руку в окно и дирижировал. А я просто сидел между ними. Песня кончилась, и я высказался:

– Я бесконечен.

Тут Сэм и Патрик уставились на меня, как на пророка. Это из-за того, что песня была суперская и мы ее очень внимательно слушали. Пять минут были прожиты не напрасно, и мы по-хорошему ощутили юность. Я потом купил эту пластинку и мог бы тебе ее назвать, но, если честно, эффект будет совсем не такой, как при поездке в пикапе на первую в жизни вечеринку, когда сидишь между двумя клевыми ребятами, а на улице начинается дождик.

Приехали мы по нужному адресу, и Патрик постучался условным стуком. Я бы при желании мог повторить, а описать не берусь. Дверь слегка приоткрылась: оттуда выглянул этот парень, у которого волосы вьются мелким бесом.

– Патрик, он же Патти, он же Никак?

– Здорово, Боб.

Дверь распахнулась, старые друзья обнялись. Потом Сэм и Боб тоже обнялись. Сэм заговорила:

– Это наш друг, Чарли.

Ты не поверишь. Боб и меня обнял! Пока мы вешали куртки, Сэм мне шепнула, что Боб сегодня «обдолбанный в задницу». Вынужден цитировать дословно, хотя это и бранные слова.

Вечеринка проходила в подвальном помещении. Там было накурено, ребята оказались намного старше меня. Две девчонки хвастались друг перед дружкой своими татуировками и пупочным пирсингом. Выпускной класс, решил я.

Один парень, Фриц, объедался бисквитами «твинкиз» с кремовой начинкой. Его подруга что-то талдычила о правах женщин, а он повторял: «Верно, малышка».

Сэм и Патрик закурили. Боб, услышав звонок, поднялся в кухню, а потом вернулся с банками пива «Милуоки бест» по числу присутствующих и с двумя вновь прибывшими. Одна из них, Мэгги, сразу объявила, что ей нужно в туалет. А вторым был Брэд, квотербек команды старшекласников. Собственной персоной!

Не знаю, что меня так зацепило, но, когда ты до этого видел человека только в коридоре или на поле, приятно убедиться, что это реальное лицо.

Ко мне все отнеслись приветливо, стали расспрашивать что да как. Наверно, это потому, что я среди них оказался самым младшим и они хотели, чтобы я поскорей освоился, раз уж от пива отказался. Мне лет в двенадцать брат как-то дал пиво попробовать – гадость. Но я по этому поводу не комплексую.

Ребята спрашивали, в каком я классе, кем хочу стать.

– Я только в девятом, пока не решил.

Огляделся – и не увидел ни Сэм с Патриком, ни Брэда. Тут Боб стал разносить угощения.

– Шоколадный кекс?

– Давай. Спасибо.

На самом деле я жутко проголодался, ведь Сэм с Патриком обычно после футбола ведут меня в «Биг-бой», я уж привык. Съел я ломтик шоколадного кекса: вкус малость непривычный, но кекс – он и есть кекс, мне понравился. Хотя с какой-то пропиткой непривычной. Ты ведь старше меня – понимаешь, наверно, что это была за пропитка.

Через полчаса комната стала от меня уплывать. Разговорился я с одной из тех девчонок, что с пупочным пирсингом, и она замелькала передо мной, как на экране. Я заморгал, огляделся, и музыка потекла тяжелой струей, как вода.

По лестнице к нам спустилась Сэм, увидела меня и обернулась к Бобу:

- Ты что, сдурел?

- Успокойся, Сэм. Ему нравится. Не веришь - спроси.

- Как самочувствие, Чарли?

- Легкое.

- Убедилась?

На самом деле Боб выглядел каким-то дерганым; мне потом сказали, что его одолела жесткая паранойя.

Сэм присела рядом со мной и взяла за руку; рука у меня была холодная.

- Ты что-нибудь видишь, Чарли?

- Легкость.

- Тебе хорошо?

- Ага.

- Пить хочешь?

- Ага.

- Что тебе принести?

- Молочный коктейль.

Все, кроме Сэм, грохнули со смеху.

- Да он кайф словил!

- Кушать хочешь, Чарли?

- Ага.

- Что тебе принести?

- Молочный коктейль.

Тут они заржали так, будто я удачно сострил. Тогда Сэм потянула меня за руку и удержала на шатком полу.

- Пошли. Будет тебе молочный коктейль.

Уже в дверях она повернулась к Бобу:

- Скотина ты редкостная.

Боб только хохотнул. Сэм под конец тоже посмеялась. А я радовался, что всем хорошо.

Поднялись мы с Сэм в кухню, она включила свет. Ого! Такой яркий, что даже не верилось.

Знаешь, как в кино бывает: сидишь на дневном сеансе, а когда выходишь на улицу, не можешь поверить, что там до сих пор светлынь. Откуда ни возьмись, появились мороженое, молоко и блендер. Я спросил, где туалет, и Сэм, как у себя дома, направила меня за угол. Думаю, они с Патриком частенько здесь тусовались, когда Боб еще учился в школе.

Выхожу я из туалета и слышу какое-то шевеление в комнате, где наши куртки были свалены. Открываю дверь - и вижу: Патрик целуется с Брэдом. Вроде как украдкой. Услышали они, как я дверь открыл, обернулись. Первым заговорил Патрик:

- Это ты, Чарли?

- Сэм обещала мне молочный коктейль.

- Откуда здесь этот мелкий? - Брэд не на шутку психанул, причем совсем не так, как Боб.

- Это мой друг. Не волнуйся.

Патрик вывел меня из комнаты, прикрыл за собой дверь. Положил руки мне на плечи, посмотрел в упор:

- Брэд не хочет, чтобы об этом стало известно.

- Почему?

- Боится.

- Чего?

- Ну, он... постой-ка... ты что, кайф словил?

- Эти, внизу, тоже так говорят. Сэм обещала мне молочный коктейль.

Патрик едва не прыснул.

- Послушай меня, Чарли. Брэд не хочет огласки. Пообещай, что никому не скажешь. Это будет наш маленький секрет, хорошо?

- Хорошо.

- Вот спасибо.

С этими словами Патрик развернулся и нырнул обратно в комнату. До меня донеслись приглушенные голоса, Брэд, похоже, вконец распсиховался, а я решил, что это не мое дело, и вернулся на кухню.

Должен сказать, в жизни не пробовал такого молочного коктейля. Это была такая вкуснотища, что мне аж страшно стало.

Перед уходом Сэм поставила для меня парочку своих любимых песен. Одна называлась «Черный дрозд». Вторая – «М. Л. К.». Обе суперские. Я потому уточняю названия, что впоследствии, на ясную голову, оценил эти песни по-настоящему.

Перед уходом произошел еще один примечательный эпизод. Патрик спустился к нам вниз. Брэд, по-моему, свалил. И Патрик заулыбался. Боб начал его подкалывать, что он, мол, неровно дышит к нашему квотербеку. Патрик еще шире заулыбался. Пожалуй, таким улыбчивым я его никогда еще не видел. Затем Патрик ткнул пальцем в мою сторону и сказал Бобу так:

– Это что-то с чем-то, да?

Боб кивнул. А Патрик – никогда не забуду – добавил:

– Тихоня наш.

Боб не просто кивнул, а головой затряс. И все, кто был в комнате, покивали. А я задергался, совсем как Боб, но Патрик мне особо дергаться не дал. Подсел ко мне.

– Разуваем глаза и смотрим. Что видим – помалкиваем. И мотаем на ус.

А я-то и не подозревал, что у ребят были на мой счет хоть какие-то мысли. Не подозревал, что они вообще смотрели в мою сторону.

Во время моей первой настоящей вечеринки, сидя на полу в подвале между Сэм и Патриком, я вдруг вспомнил, что Сэм представила меня Бобу как своего друга. И еще вспомнил, что Патрик точно так же сказал про меня Брэду. И у меня потекли слезы. Никто на меня не косился, как на придурка. И я не стал сдерживаться.

Боб взял себе пиво, попросил всех сделать то же самое и поднял тост:

– За Чарли.

И вся тусовка хором повторила:

– За Чарли.

Не знаю, почему им такое пришло в голову, но для меня это был не пустой звук.

Главное, что среди них была Сэм. Это главное.

Я бы мог тебе в подробностях рассказать и про дискотеку, но сейчас мне уже кажется, что самое клевое было – как я Дейву шины спустил. Нет, сперва я, конечно, хотел потанцевать, как Билл советовал, но мне обычно нравятся те песни, под которые не потанцуешь, так что хватило меня ненадолго. Естественно, Сэм в платье выглядела обалденно, только я старался ее не замечать, чтобы ничего такого в голову не лезло.

Зато я другое заметил: Брэд с Патриком даже словом не перекинулись, потому что Брэд танцевал только с Нэнси, которая в группе поддержки зажигает, – она его девушка. Заметил я и еще кое-что: к моей сестре прилепился тот субъект, с которым ей запретили общаться, хотя из дому ее забирал совершенно другой парень.

С дискотеки мы уезжали в пикапе Сэм. Теперь за рулем был Патрик. На подъезде к туннелю Форт-Питт Сэм попросила его тормознуть у обочины. Я не понял, зачем это нужно. А Сэм в одном бальном платье перебралась в кузов пикапа. Знаком показала Патрику, что можно ехать, и он расплылся в улыбке. Они, наверно, и раньше такое проделывали.

Короче, Патрик разогнался, а перед самым въездом в туннель Сэм выпрямилась в полный рост, и на ветру ее платье забило океанскими волнами. Внутри туннеля все звуки канули в пустоту, и тогда из магнитолы понеслась песня. Изумительная песня под названием «Landslide». Когда мы вынырнули из туннеля, Сэм издала невообразимый крик – перед нами открылся центр города. Здания в огнях и прочие удивительные вещи. Сэм в кузове села и засмеялась. Патрик тоже засмеялся. И я засмеялся.

В этот миг, клянусь, мы были бесконечны.

Счастливо.

Чарли

Часть вторая

7 ноября 1991 г.

Дорогой друг!

Сегодня был один из тех дней, когда охотно выходишь из дому, чтобы отправиться в школу, потому что погода стояла удивительная. Небо облаками затянуто, а в воздухе тепло, как в бане. Прямо ощущаешь необыкновенную чистоту. Дома мне предстояло подстричь газон, чтобы получить карманные деньги, и я охотно взялся за дело. Слушал музыку, дышал этим днем, кое-что припоминал. Например, как я бродил по нашему району, разглядывал дома, лужайки, живописные деревья – и постигал, можно сказать, все сущее.

Дзен-буддизм для меня – заумь, равно как и религия китайцев и индусов, но одна из тех девчонок с татушкой и пупочным пирсингом, как оказалось, в июле приняла буддизм. Ни о чем другом говорить не может, разве что о дороговизне сигарет. Я иногда встречаю ее на большой перемене, когда она выходит перекурить с Патриком и Сэм. Зовут ее Мэри-Элизабет.

Так вот, Мэри-Элизабет мне рассказала, что через посредство дзен-буддизма ты обретаешь причастность ко всему, что есть в этом мире. Становишься частью этих деревьев, травы, собак. Всего такого. Она даже объяснила, каким образом на это указывает ее татушка, но я не запомнил. Короче, в моем понимании дзен-буддизм похож на сегодняшний денек, когда ты плывешь по воздуху и припоминаешь разные вещи из прошлого.

Среди таких воспоминаний – одна детская игра. Берется футбольный или любой другой мяч, и кто водит, тот убегает с мячом, а остальные стараются его сбить и мяч отнять. Кто сбил, тот убегает с мячом, а остальные – за ним. Так может длиться не один час. Смысла этой игры я никогда не понимал, но мой брат был до нее сам не свой. Причем для него интерес заключался не в том, чтобы убежать, а именно в том, чтобы другого сбить. Или, как ребята говорили, «опустить». До меня только сейчас дошло, что это значит.

Патрик рассказал мне их с Брэдом историю, и теперь я понимаю, почему Патрик не разозлился на Брэда, когда тот весь вечер протанцевал с девушкой. Еще в девятом классе Патрик и Брэд пошли на тусовку вместе с другими популярными ребятами. Патрик на самом деле пользовался успехом еще до того, как Сэм накупила ему хорошей музыки.

На тусовке и Патрик, и Брэд сильно напились. Вообще-то, Патрик считает, что Брэд больше притворялся. Сидели они в подвальной комнате с какой-то девушкой по имени Хезер, но та вышла в туалет, и Брэд с Патриком остались наедине. Патрик говорит, им вначале было не по себе, но потом оба расслабились.

– У вас классный руководитель – мистер Броснахэн, точно?

– Ты ходил на пинк-флойдовское лазерное шоу?

– Вино на пиво – это криво.

Когда треп у них иссяк, они уставились перед собой. И тут же, в подвале, их потянуло друг к другу. Патрик говорит, у них обоих прямо гора с плеч свалилась.

Но в понедельник, придя в школу, Брэд заладил:

– Черт, я так надрался, что ничего не помню.

Каждому, кто был на той вечеринке, он это повторил. И не по одному разу. Даже Патрику сказал то же самое. Никто не видел, чтобы они с Патриком баловались, а Брэд все равно твердил свое. Настала пятница, и ребята опять устроили вечеринку. Теперь и Патрик, и Брэд укурились, хотя Патрик и говорил, что Брэд

в основном притворялся. И в конце концов их снова потянуло друг к другу. А в понедельник Брэд опять:

- Черт, я вчера был в отрубке. Ничего не помню.

Так продолжалось семь месяцев.

Дошло до того, что Брэд стал поддавать или подкуривать перед школой. В школе они с Патриком держались на расстоянии. Уединялись только на тусовках, по пятницам. По словам Патрика, Брэд на переменках не просто его сторонился, но даже смотреть не мог в его сторону. С этим, конечно, трудно было смириться, потому как Патрик всерьез запал на Брэда.

С наступлением лета, когда об уроках и всем прочем уже можно было забыть, Брэд стал пить и курить по-взрослому. Как-то раз в доме у Патрика и Сэм устроили большую тусовку с какими-то левыми ребятами. Когда появился Брэд, все обалдели, потому как личность он известная, а Патрик никому не сказал о причине его появления. Когда почти все гости разошлись, Брэд с Патриком уединились у Патрика в комнате.

В тот вечер у них впервые был настоящий секс.

Не хочу вдаваться в подробности, потому как дело это очень интимное (кто, что, кому, куда), скажу только, что в позиции девушки находился Брэд. Это, по моему, тебе важно знать. Когда они кончили, Брэд заплакал. Он в тот вечер много выпил. И укурился.

Как ни старался Патрик его успокоить, ничего не помогало. Брэд даже не позволял Патрику себя обнять; по мне, это просто жесть: если у меня когда-нибудь будет секс, я непременно захочу полежать в обнимку.

В конце концов Патрик сумел натянуть на Брэда штаны и говорит:

- Сделай вид, что ты вырубился.

Потом оделся сам и вошел в дом через другую дверь – не с той стороны, где его спальня. У него тоже текли слезы, и он решил, если кто спросит, сказать, что

ему дым от травки глаза разъел. В конце концов он кое-как успокоился и вернулся в комнату к ребятам. Притворился пьяным. Подвалил к Сэм:

- Брэда не видела?

Сэм все поняла по глазам. И спрашивает во всеуслышание:

- Эй, Брэда никто не видел?

Никто его не видел, и кое-кто из ребят отправился на поиски. В итоге его обнаружили в комнате у Патрика... в полном отрубе.

В конце концов Патрик позвонил родителям Брэда, потому что стал всерьез за него беспокоиться. Не раскрывая никаких подробностей, сказал им, что Брэду стало плохо и надо отвезти его домой. Предки Брэда тут же примчались, и его отец с помощью Патрика и еще пары ребят перетащил Брэда в машину.

Патрик до сих пор не знает, действительно Брэд тогда был в отрубе или просто делал вид, но если делал вид, то очень классно. Предки записали Брэда на программу реабилитации, чтобы он не лишился шансов поступить в университет по спортивному набору. До конца лета Патрик с ним больше не виделся.

Родители Брэда не могли понять, почему их сын все время курит траву и пьет. И никто этого не мог понять. За исключением тех, кто был в курсе.

Когда начался учебный год, Брэд к Патрику не приближался. До последнего времени даже не ходил на те тусовки, где мог с ним пересечься. Но месяц-полтора назад он среди ночи бросил Патрику в окно камешек и сказал, что никто не должен ничего знать. Теперь они встречаются вечерами либо на поле для гольфа, либо на небольших вечеринках вроде той, у Боба, где люди не метут языком и проявляют понимание.

Я спросил у Патрика, не огорчает ли его, что им приходится держать свои отношения в тайне, и он сказал, что нет - по крайней мере, теперь Брэду не требуется напиться или заторчать, чтобы заняться сексом.

Счастливо.

Чарли

8 ноября 1991 г.

Дорогой друг!

За сочинение по «Питеру Пэну» я впервые получил у Билла четверку по углубленному английскому! Если честно, не понимаю, чем оно отличается от прежних. Билл сказал, что у меня улучшились и чувство языка, и структура предложений. Что ж, если я могу улучшить эти моменты, сам того не замечая, – это здорово. Между прочим, в журнал и в табель Билл ставит мне пятерки. А оценки за эти сочинения – наше с ним внутреннее дело.

Я решил, что, наверно, все же стану писателем. Пока, правда, не знаю, о чем буду писать.

Можно, к примеру, писать для журналов, – по крайней мере, увижу в печати статьи, где не будет той байды, которую я раньше упоминал. «Стирая с губ медово-горчичную заправку, N рассказала мне о своем третьем муже и о целительных свойствах кристаллов». Но если честно, боюсь, что интервьюер из меня выйдет фиговый – не могу представить, как можно сидеть за столом с каким-нибудь политиком или с кинозвездой и приставать к ним с расспросами. Я бы, наверно, просто взял автограф для мамы – и все. Скорее всего, за такие дела сразу турнут. Можно еще попробовать себя в газете, потому что газеты публикуют мнения простых людей, но моя сестра говорит, что все газеты врут. Не знаю, так это или нет, когда вырасту, надо будет получше разобраться.

На самом деле я тут начал сотрудничать с фэнзином под названием «Панк-Рокки». Печатается он на ксероксе и посвящен панк-року и фильму «Шоу ужасов Рокки Хоррора»[7 - «Шоу ужасов Рокки Хоррора» (1975) – культовый фильм режиссера Джима Шармана; в ролях Джим Карри, Сьюзен Сарандон и др. По сюжету фильма пара новобрачных ночью сбивается с дороги и в поисках телефона стучится в старый дом, где обитает безумный ученый, доктор Франк-н-Фуртер. Он знакомит новобрачных со своим созданием по имени Рокки Хоррор, открывает им мир извращенных наслаждений и в конце концов совращает обоих. Ночной показ этого фильма в США и некоторых странах Европы

сопровождается активным участием соответственно одетых зрителей, которые приносят с собой предметы, символизирующие того или иного героя, хором предвосхищают реплики персонажей, обливаются водой, танцуют, а «девственники» (то есть зрители, впервые участвующие в полуночных вакханалиях) приветствуются всей публикой и проходят своеобразный «обряд посвящения».]. Я не автор, а просто так, на подхвате.

Заправляет там Мэри-Элизабет, она же организует местные показы «Рокки Хоррора». Мэри-Элизабет – очень своеобразная личность: у нее татушка с буддистской символикой и пупочный пирсинг, а волосы такие, будто ей приспичило кому-то насолить, но если уж она берется за дело, то командует, как мой отец после долгого рабочего дня. Учится она в двенадцатом классе и говорит, что моя сестра динамщица на понтах. Я сказал ей, чтобы не наезжала на мою сестру.

Из всего, что я открыл для себя в этом году, больше всего мне нравится «Шоу ужасов Рокки Хоррора». Патрик и Сэм в ночь на Хеллоуин взяли меня с собой в клуб. Постановка суперская: у ребят костюмы точь-в-точь как в фильме, и выступление идет на фоне киноэкрана. А зрители по сигналу кричат. Ты, наверно, и без меня все это знаешь, но я так, для ясности.

Патрика по роли зовут Франк-н-Фуртер. Сэм – Дженет. Смотреть эту постановку мне довольно тяжело, потому что Сэм в роли Дженет расхаживает по сцене в одном нижнем белье. Я стараюсь не допускать о ней никаких таких мыслей, но это чем дальше, тем труднее.

По правде говоря, я ее полюбил. Но это не такая любовь, как в кино. Просто смотрю на нее иногда и думаю, что красивей и добрей ее никого на свете нет. К тому же она умница и такая прикольная. После спектакля написал ей стихотворение, но показывать не стал – постеснялся. Тебе мог бы дать прочесть, но, боюсь, это будет непорядочно по отношению к Сэм.

Вся штука в том, что Сэм сейчас встречается с одним парнем по имени Крейг.

Крейг старше моего брата. Может, ему даже стукнуло двадцать один год, потому как он пьет красное вино. Крейг играет Рокки. Патрик про Крейга говорит «брутальный чувак». Уж не знаю, где Патрик берет такие выражения.

Но думаю, это справедливо. Равно как и то, что Крейг – человек очень творческий. Поступил в Институт искусств и, чтобы заработать на учебу, позирует для каталогов «JCPenny» и еще каких-то там изданий. Он и сам увлекается фотографией; я видел кое-что из его работ – просто супер. В особенности портрет Сэм – это нечто. Она получилась невообразимо прекрасной, но все же попытаюсь описать.

Если ты слушаешь песню «Asleep» и представляешь себе эти милые, ясные дни, эти прекрасные глаза, лучше которых ты не встречал, и у тебя наворачиваются слезы, а эти глаза тебя утешают, то ты, надеюсь, сумеешь вообразить эту фотографию.

Хочу, чтобы Сэм разбежалась с Крейгом.

Не думай, что это я из ревности. Ничего такого. Честно. Просто Крейг все ее слова пропускает мимо ушей. Не могу сказать, что он хам, это не так. Просто у него вечно рассеянный вид.

Как будто он сделал фотографию Сэм, получилось удачно, а он возомнил, будто это потому, что он такой мастер. Довелось бы мне так ее сфотографировать, я бы не сомневался, что она так прекрасно получилась исключительно благодаря собственной красоте.

Неправильно, когда парень, глядя на девушку, начинает думать, что в его глазах она лучше, чем на самом деле. И еще, по-моему, неправильно, когда самый искренний взгляд на девушку – это взгляд через объектив фотокамеры. Мне больно видеть, как у Сэм прибавляется уверенности в себе лишь из-за того, что такой ее видит парень постарше.

Я поговорил об этом с сестрой, и она сказала, что у Сэм заниженная самооценка. И еще добавила, что в десятом классе у Сэм была совершенно определенная репутация. Если верить моей сестре, Сэм была «королевой минета». Надеюсь, ты понимаешь, что это означает, потому как я не могу описывать такие вещи применительно к Сэм.

Я действительно ее очень люблю, и мне это больно.

Кстати, я спросил сестру насчет того парня на дискотеке. Она отказывалась отвечать, пока я не дал ей слово, что никому не скажу, даже Биллу. Короче, пообещал держать язык за зубами. Она призналась, что продолжает встречаться с тем парнем, но тайно, потому как ей запрещено. Говорит, что постоянно о нем думает. Говорит, они собираются пожениться, когда оба окончат колледж, а он еще и юридический факультет.

Сказала, чтобы я не беспокоился: он больше никогда не поднимет на нее руку. Она долго говорила, но по существу дела ничего не добавила.

Клево было в тот вечер посидеть с сестрой – она редко соглашается со мной поболтать. Я даже удивился такой откровенности, но ей, как я понял, и поделиться не с кем – она вынуждена хранить тайну. А поделиться охота до невозможности.

Хоть она и сказала, чтобы я не беспокоился, мне все равно за нее тревожно. Как-никак она мне сестра.

Счастливо.

Чарли

12 ноября 1991 г.

Дорогой друг!

Я обожаю бисквиты «твинкиз» с кремовой начинкой, а почему я завел об этом речь: нам задали сформулировать, ради чего стоит жить. Учитель биологии, мистер З., рассказал, что ученые поставили такой опыт. То ли крысу, то ли мышь сажали в одну половину клетки. В другую половину клетки помещали еду. Эта крыса или мышь перебежала туда и съедала свой паек. Потом эту крысу или мышь возвращали на прежнюю половину, только по дну клетки, там, где она пробегала за едой, пропускали электрический ток. Это повторялось раз за разом, и при определенной силе тока эта крыса или мышь просто переставала бегать за едой. Затем этот эксперимент повторяли с самого начала, но вместо

еды в клетку подбрасывали нечто такое, что доставляло этой крысе или мышке острое наслаждение. Уж не знаю, от чего мыши и крысы получают острое наслаждение, но подозреваю, что это была какая-то крысино-мышьяная дурь. Короче, что выяснили ученые: ради наслаждения крыса или мышь готова выдержать более значительную силу тока. Куда более значительную, чем ради утоления голода.

Не знаю, какой смысл в таких открытиях, но факт, по-моему, очень интересный.

Счастливо.

Чарли

15 ноября 1991 г.

Дорогой друг!

У нас становится холодно и даже морозно. Мягкая осень почти ушла. Есть и хорошие новости: близятся каникулы, а это для меня вдвойне радостно, потому что скоро приедет мой брат. Возможно, уже на День благодарения! Скорей бы – это я ради мамы.

Брат не звонил домой недели три, и маму постоянно тревожит, какие у него оценки, хорошо ли он спит и как питается, а папа твердит одно: «Лишь бы травм не было».

Я лично радуюсь, что брат приобщается к студенческой жизни, как в фильмах показывают. Не в смысле бурных клубных сборищ. А как в других фильмах, где парень знакомится с умницей-студенткой, которая носит многослойные свитера и пьет какао. Они обсуждают книги, всякие проблемы, целуются под дождем. По-моему, это пойдет ему на пользу, особенно если девушка неожиданно окажется симпатичной. На мой вкус, такие девушки – самые привлекательные. Мне лично топ-модельная внешность кажется неестественной. Сам не знаю почему.

У брата, наоборот, все стены занимают постеры с топ-моделями, тачками, пивом и прочим. Если к этому набору добавить грязный пол, то, наверно, получится его комната в общежитии. Брат терпеть не может застилать кровать, зато в шкафу у него образцовый порядок. Вот и разбери его.

Вся штука в том, что мой брат, приезжая домой, все больше помалкивает. О занятиях почти не рассказывает, все больше о футбольной команде. Команда эта на виду, потому как выступает очень успешно благодаря сильному составу. Брат говорит, что один из игроков наверняка в будущем заключит миллионный контракт, хотя сам по себе «туп как пуп». Как я понимаю, совсем тупой.

Брат рассказывал такую историю: однажды в раздевалке ребята из команды стали рассказывать, кто как добился спортивной стипендии. Разговор зашел о результатах SAT[8 - SAT – в США единый экзамен на определение академических способностей; по результатам SAT осуществляется зачисление в высшие учебные заведения.], который я еще ни разу не сдавал.

И этот говорит:

– Я набрал семьсот десять.

Мой брат его спрашивает:

– По математике или по устному?

А этот парень такой:

– Чего?

Вся команда заржала.

Я всегда мечтал попасть в такую команду. Почему – точно сказать не могу, но мне всегда казалось, что это клево, если у тебя было «золотое время». Потом будет что рассказать внукам и партнерам по гольфу. Я, правда, смогу рассказать про «Панк-Рокки», про то, как я пешком ходил от школы до дому, всякое такое. Может, это и есть мое золотое время, а я просто не понимаю, потому как это со спортом не связано.

В детстве я, правда, занимался спортом, и очень даже активно, только у меня от этого повышалась агрессивность, и врачи сказали маме, что из спорта меня придется забрать.

А вот у папы было свое золотое время. Я разглядывал его юношеские фотки. У него было очень выразительное лицо. Другого слова подобрать не могу. Выглядел он так, как и полагается на старых фотках. Старые фотки правдивы и выразительны, а люди на них явно счастливее некоторых.

Моя мама на старых фото настоящая красавица. Никто с ней не сравнится – ну разве что Сэм. Гляжу я сейчас на своих родителей и думаю: как они дошли до такой жизни? А потом начинаю гадать, что станется с моей сестрой к тому времени, как ее парень окончит юридический. И какое лицо будет у моего брата, если его изобразят на футбольной открытке? А если не изобразят? Мой отец два года играл в бейсбол за команду своего колледжа, но вынужден был уйти из спорта, когда мама забеременела моим братом. Тогда он поступил на работу в свою нынешнюю контору. Если честно, я понятия не имею, чем он там занимается.

Иногда он рассказывает одну историю. Получается у него классно. Про первенство штата по бейсболу среди школьников. Шла вторая половина заключительного, девятого, иннинга, на первой базе находился раннер. После двух аутов папина команда отставала на одно очко. Папа тогда учился на втором курсе и был в университетской команде чуть ли не самым младшим, и вся команда, как я понимаю, думала, что он сольет игру. Он чувствовал весь груз ответственности. И здорово нервничал. И здорово дрейфил. Но после нескольких подач мой папа, как он сам говорит, «почувствовал зону». Когда питчер сделал очередной бросок, папа точно рассчитал траекторию полета мяча. Никогда в жизни он не бил по мячу с такой силой. И сделал хоумран, и его команда выиграла первенство штата. Самое классное в этой истории то, она не меняется, сколько бы папа ее ни повторял. Он не бахвалится.

Я часто об этом думаю, когда смотрю футбол вместе с Патриком и Сэм. Глядя на поле, я всегда думаю про того игрока, который только что выполнил тачдаун и принес команде шесть очков. Я считаю, для этого парня настало золотое время и когда-нибудь он тоже будет рассказывать об этом своим домашним, потому что все игроки, выполняющие тачдауны и хоумраны, со временем станут отцами. И когда их дети возьмутся рассматривать отцовский студенческий альбом, им придет в голову, что отец был правдивым, видным и куда более счастливым, чем

они.

Надо будет не забыть сказать моим детям, что они такие же счастливые, как я на тех старых фотках. Надеюсь, они мне поверят.

Счастливо.

Чарли

18 ноября 1991 г.

Дорогой друг!

Вчера позвонил мой брат, но приехать на День благодарения он не сможет, потому как из-за футбола запустил учебу. Мама до того расстроилась, что потащила меня по магазинам за обновками.

Ты, наверно, подумаешь, что я преувеличиваю, но, клянусь, это чистая правда: с той самой минуты, как мы сели в машину, и до возвращения домой мама не умолкала. Буквально ни на минуту. Даже когда я заперся в примерочной, чтобы натянуть очередные слаксы.

Она стояла под дверью и убивалась вслух. Обо всем подряд. Сначала – что отец не настоял, чтобы мой брат все же приехал домой, хотя бы на один вечер. Потом – что моя сестра не думает о будущем, а должна бы уже присмотреть для себя «доступный» колледж на тот случай, если не пройдет по конкурсу в престижный. Потом – что такой цвет мне не идет, лучше серый.

Мне понятен ход ее мыслей. Честно.

Когда мы были маленькие, она брала нас с собой за продуктами. Мои брат с сестрой постоянно грызлись между собой, они и сейчас постоянно грызутся, а я сидел себе в продуктовой тележке. Под конец мама так изводилась, что начинала толкать тележку все быстрее, и я воображал, что рассекаю на подводной лодке.

Вот и вчера с ней было примерно то же самое, только теперь мое место – на переднем сиденье.

Сегодня утром Сэм и Патрик в один голос признали, что у моей мамы очень хороший вкус. Придя домой после уроков, я ей это передал, и она заулыбалась. Предложила мне как-нибудь позвать их к нам на ужин, только после праздников, потому что в праздничные дни у нее и так нервы на пределе. Я сразу позвонил Сэм и Патрику, и они согласились.

Жду не дождусь!

В последний раз к нам на ужин приходил мой друг Майкл, и было это в прошлом году. И что самое клевое – он остался у нас ночевать. Спали мы совсем мало. Трепались о девчонках, о кино, о музыке и так далее. Четко помню: среди ночи мы с ним пошли пройтись. Мои родители уже дрыхли, все соседи тоже. Майкл заглядывал во все окна. Было темно и тихо.

– Как по-твоему, в этом доме хорошие люди живут? – спросил он.

– Кто, Андерсоны? Ничего. Старые только.

– А эти?

– Ну, миссис Ламберт ругается, когда бейсбольный мяч к ней в сад залетает.

– А тут?

– Миссис Тэннер уже три месяца у мамыши гостит. Мистер Тэннер по выходным сидит на заднем крыльце и слушает бейсбол. А хорошие они или нет – не знаю, потому как детей у них нет.

– Она болеет, что ли?

– Кто?

– Мамаша миссис Тэннер.

– Не думаю. Моя мама была бы в курсе, но она ничего такого не рассказывала.

Майкл покивал:

– Разведутся скоро.

– С чего ты взял?

– Да так.

Пошли мы дальше. Майкл иногда имел привычку ходить молча. Наверно, стоит упомянуть, что моя мама слышала, будто родители Майкла недавно развелись. Она говорит, что после смерти ребенка тридцать процентов семей распадается. Наверно, в каком-нибудь журнале вычитала.

Счастливо.

Чарли

23 ноября 1991 г.

Дорогой друг!

Нравится ли тебе проводить каникулы со своими родными? Я имею в виду не маму с папой, а всю родню: дядю с тетей, двоюродных братьев и сестер. Мне лично – нравится. По разным причинам.

Во-первых, мне интересно и любопытно видеть, как все друг друга любят и при этом недолюбливают. Во-вторых, все скандалы возникают одинаково.

Как правило, они разгораются после того, как мамин папа (мой дедушка) осушает третий стакан. К этому моменту он делается очень разговорчивым. Дедушка обычно сетует, что наш старый район заполнили черные, тогда моя

сестра на него взъедается, а дедушка ей выговаривает, что она ничего не смыслит, потому как никогда не жила в центре. Потом он начинает жаловаться, что его в доме престарелых никто не навещает. И под конец выкладывает все семейные тайны: как, например, такой-то двоюродный брат «обрюхатил» эту официанточку из «Биг-боя». Наверно, стоит упомянуть, что мой дедушка туг на ухо, а потому излагает все это в полный голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Убить пересмешника» (1960) – роман американской писательницы Харпер Ли. В 1961 году получил Пулицеровскую премию. Его изучают приблизительно в 80 % американских школ. Среди главных персонажей романа – подросток Джем, познающий далеко не безмятежный мир взрослых.

2

«Субботним вечером в прямом эфире» – популярное ночное комедийное телешоу, выходит с 1975 года. Удостоено 36 премий «Грэмми».

3

«Чертова служба в госпитале МЭШ» – американский телесериал, выходивший в эфир с 1972 по 1983 год и основанный на одноименном кинофильме Роберта Олтмена (M.A.S.H., 1970), черная комедия. Главный персонаж, Бенджамин Пирс, воспринимает войну как чудовищное преступление и величайшую трагедию; в последней серии эти переживания приводят его в психиатрическое отделение сеульского военного госпиталя.

4

«По эту сторону рая» (1920) – классический роман Фрэнсиса Скотта Фицджеральда. Главный герой, Эмори Блейн, в школе сталкивается с негативным отношением со стороны сверстников, чувствует себя глубоко несчастным и брошенным. Одна из кульминационных сцен первой части романа – разговор с преподавателем, который вызвал его к себе, чтобы рассказать, каким эгоистом его считают одноклассники.

5

«Питер Пэн» (полное название – «Питер Пэн и Венди», 1911) – одно из популярнейших произведений детской литературы, повесть из серии произведений о Питере Пэне шотландского писателя сэра Джеймса Барри. Питер Пэн – мальчик, который не хочет взрослеть. Он вечно остается юным; у него сохраняются молочные зубы. Он сбежал из дома по дымоходу и улетел в Кенсингтонский сад, где познакомился с феями. Позже он жил на острове Нетинебудет (Neverland) в компании пропавших мальчиков – тех, которые потерялись в Кенсингтонском саду.

6

Начос – популярная закуска мексиканской кухни, представляющая собой чипсы из тортильи с различными топпингами.

7

«Шоу ужасов Рокки Хоррора» (1975) – культовый фильм режиссера Джима Шармана; в ролях Джим Карри, Сьюзен Сарандон и др. По сюжету фильма пара новобрачных ночью сбивается с дороги и в поисках телефона стучится в старый дом, где обитает безумный ученый, доктор Франк-н-Фуртер. Он знакомит новобрачных со своим созданием по имени Рокки Хоррор, открывает им мир извращенных наслаждений и в конце концов совращает обоих. Ночной показ этого фильма в США и некоторых странах Европы сопровождается активным участием соответственно одетых зрителей, которые приносят с собой предметы, символизирующие того или иного героя, хором предвосхищают реплики персонажей, обливаются водой, танцуют, а «девственники» (то есть зрители, впервые участвующие в полуночных вакханалиях) приветствуются всей публикой и проходят своеобразный «обряд посвящения».

8

SAT – в США единый экзамен на определение академических способностей; по результатам SAT осуществляется зачисление в высшие учебные заведения.

Купить: <https://telnovel.com/ru/stiven-chboski/horosho-byt-tihoney-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)